

Л. Я. Битколова
(Ярославль)

О Г. Н. Соловьевой-Барбизан и ее коллекции живописи в собрании Ярославского художественного музея

Памяти Галины Соловьевой-Барбизан

В собрании русской живописи Ярославского художественного музея (ЯХМ) находится коллекция произведений Константина Алексеевича Коровина, являющаяся одной из интереснейших в стране. В ней, среди двадцати живописных произведений широкого временного, жанрового и тематического диапазона, представлен совершенно уникальный раздел из одиннадцати поздних произведений живописца. Эти картины созданы Коровиным в последние 15 лет жизни в Париже, где он обосновался в 1923 г. после отъезда из России. Эти парижские пейзажи и натюрморты отличаются характерной коровинской техникой исполнения, его исключительным пластическим и колористическим мастерством. Пять из них подписаны художником; на двух имеется авторская дата; на четырех художник обозначил место создания — Париж. Качество живописи и достоверность происхождения картин позволяет расценивать эти вещи как единственный в стране крупный комплекс бесспорных поздних коровинских полотен.

Редкостью в отечественных музейных собраниях является живопись Филиппа Андреевича Малявина 1920-х гг. Хранящаяся в ЯХМ картина Малявина «Девушка со спицами» относится именно к этому малоизвестному периоду его творчества.

Произведения позднего Коровина и картина Малявина поступили в музей из Франции в 1959 г., в те времена, когда связи с Русским зарубежьем были крайне затруднены, а поступление оттуда в отечественные музеи

художественных произведений было совершенно невероятным. В данном случае невероятное осуществилось благодаря душевной щедрости, патриотизму и мужеству нашей соотечественницы Галины Николаевны Соловьевой-Барбизан. Судьба этой незаурядной женщины сложилась так, что ей суждено было оставить заметный след в культуре ее второй родины — Франции, а ее вклад в российскую культуру по-настоящему оценивается только теперь.

Галина Николаевна родилась 30 июня (13 августа) 1904 г. в Ярославле и крещена в ярославской церкви Параскевы Пятницы Калашной¹. Ее отец Николай Васильевич Соловьев, известный врач-хирург, имя которого с 1922 г. носит Ярославская областная больница, в то время работал штатным ординатором Ярославской губернской земской больницы². Девочка получила хорошее домашнее образование, в совершенстве владела французским и немецким языками, хорошо знала английский, экстерном окончила гимназию. Семья жила в казенной квартире на Дворянской улице (ныне проспект Октября). Галю тянуло к искусству, она увлекалась музыкой. После смерти отца, «погибшего 1 марта жертвой служебного долга на сыпнотифозном фронте», как сообщалось Губернским отделом здравоохранения в 1922 г., Президиум губисполкома принял решение обеспечить его семью (в том числе предоставить ей в вечное пользование квартиру) и обратился в Главпрофобр о разрешении его дочери поступить в любое высшее учебное заведение с предоставлением всех видов студенческого обеспечения на все время учебы³. Девятнадцатилетняя девушка уезжает в 1925 г. в Москву и поступает в Московский архитектурный институт. Прочувшись совсем недолго, она увлеклась театром, ее приняли в актерскую студию Юрия Александровича Завадского.

¹ Свидетельство Ярославской Духовной Консистории от 21 июня 1911 г. Хранится у внучки М. А. Соловьевой, копия в архиве ЯХМ.

² Соловьев Николай Васильевич родился 7 марта 1875 г. в семье священника села Никольское Вологодской губернии. С 1885 г. учился в Вологодском духовном училище, с 1895 г. в Вологодской духовной семинарии. В 1896 г. поступил в Томский университет на медицинский факультет. За участие в студенческом революционном движении был исключен и выслан в Ярославль по надзор полиции. Работал в статистическом бюро Ярославской земской управы. В 1902 г. окончил медицинский факультет Юрьевского университета и был назначен сверхштатным ординатором Ярославской губернской земской больницы. В 1910 г. проходил научную стажировку в Берлине. В 1912 г. стал заведующим хирургическим отделением Ярославской губернской земской больницы. В 1914 г. добровольно отправился на фронт в качестве старшего врача Ярославского госпиталя Красного Креста. В 1915 г. заведовал лазаретом при Ярославской земской управе, затем стал главным врачом Ярославской губернской больницы. Умер 1 марта 1922 г.

³ Копылова И. Доктор из Загородного сада // Северный край. 1999. 20 марта.

«Училась в одной группе с В. П. Марецкой, Р. Я. Пляттом и другими будущими известными актерами. Гали Николаевна на этом поприще, как говорили, подавала большие надежды, но жизнь сложилась так, что ей не пришлось реализовать эти возможности. Не слишком красивая, но живая, начитанная, с внешностью, остро соответствовавшей моде 20-х годов, Гали Николаевна умела собирать вокруг себя людей»⁴. Добавим, умела сохранять привязанности и дружбу молодости. Так, ее дружба с Ю. Завадским и В. Марецкой продлится всю жизнь. Их имена то и дело упоминаются в письмах Галины к родным в Ярославль в связи с их приездом в Париж на гастроли с театром или по поводу передачи через них посылок родным и т. п.⁵ Через всю ее жизнь прошла и дружба с писателем В. П. Катаевым, возникшая в Москве в тот же период.

В 1929 г. ей предложили стать переводчицей в одной иностранной фирме, работавшей в Москве. Здесь она познакомилась с итальянским инженером-химиком Лючано Барбизаном, приехавшим в СССР по контракту в качестве специалиста по искусственным волокнам. Вскоре молодые люди поженились и поселились в квартире в Коптельском переулке, где не раз собирались друзья Галины. Лючано всегда поддерживал интересы и дружеские связи жены, с добродушием и открытостью относился к почти постоянному присутствию в доме гостей. Когда в 1933 г. контракт Лючано в СССР закончился, супруги уехали во Францию. А в Ярославле остались жить мама Галины Зоя Павловна и ее маленькая дочка от первого брака Светлана Невядомская.

Новая жизнь во Франции сложилась не сразу: некоторое время они жили в Реймсе, было трудно, не было ни денег, ни работы. Потом Лючано нашел работу, семья переехала в Париж, и все постепенно наладилось. Галина Николаевна всегда мечтала работать и сама зарабатывать на жизнь. Она решила получить специальность, окончила факультет искусств при Лувре и стала искусствоведом. Но муж воспротивился: «Галя! Зачем же я работаю, неужели я тебя не обеспечу»⁶. По свидетельству ее биографа, мужа ее дочери Александра Николаевича Сахарова (он общался с Галиной Николаевной во время ее приездов в Ярославль в 1957, 1959, 1964 и 1971 гг., посещал ее в Париже), «можно было удивляться ее знаниям изобразительного искусства минувших веков. По манере письма,

⁴ Сахаров А. Н. Краткая биография Гали Николаевны Соловьевой-Барбизан. Рукопись // Архив ЯХМ.

⁵ В семейном архиве внучки М. А. Соловьевой сохранились письма Г. Н. Соловьевой-Барбизан к матери и дочери написанные в 1960–1970-е гг. Автору удалось познакомиться с ними и, с любезного согласия владелицы, воспользоваться ими для написания данной статьи.

⁶ Сахаров А. Н. Краткая биография...

излюбленному сочетанию красок, игре света и тени, композиционному построению картины она могла почти безошибочно назвать художника, не читая подписи под картиной, даже в тех экспозициях, которые видели впервые»⁷.

Еще до войны в Париже Галина Николаевна познакомилась и подружилась с Константином Коровиным. Вот как, с ее слов, описывает их общение биограф: «Он часто у них бывал. Жизнь его в эмиграции была очень трудной, и Г. Н., чем могла, старалась помочь ему. Он продолжал писать картины, но покупателей на них не находилось. Однажды Константин Алексеевич предложил Гали Николаевне купить свои последние работы. „Бери, бери, — убеждал он Гали Николаевну, странно поглаживая свою бородку снизу вверх от шеи к подбородку. — Не пожалеешь...“»⁸. Это было незадолго до оккупации Парижа немцами в 1939 г. В том же году художник умер. Вероятно, в те же времена она приобрела у Малявина его картину «Девушка со спицами».

Деятельная, общительная натура, Галина Николаевна всегда искала себе применение, стремилась кого-то опекать, кому-то помогать. После войны в ее доме часто гостят оказавшиеся в трудном положении русские, одним они с Лучано помогают найти работу, другим — вернуться на родину. Об этом часто вскользь упоминается в письмах к родным. Из тех же писем узнаем, что ее московские увлечения театром не прошли даром. Она поддерживает постоянные связи с советскими театральными деятелями, особенно с драматургами (у нее не раз бывали в 1960-х гг. Николай Погодин, Алексей Арбузов, ее земляк Виктор Розов), переводит на французский язык русские пьесы и на русский — французские. Так, в письме от 3 февраля 1966 г. она сообщает, что переводит на французский «прекрасную русскую пьесу Амфитеатрова», что в апреле в Париже выходит книга ее переводов пьес советских драматургов и для нее она переводит «предисловие и биографии четырех писателей, которые были посланы <...> Розовым». В 1965 г., когда в Париже выступал Театр Моссовета, она принимала самое активное участие в обустройстве труппы, опекала своих старых друзей Юрия Завадского, Веру Марецкую, Ростислава Плята и других. Не раз ей приходилось принимать в Париже советских писателей Валентина Катаева, Льва Шейнина, Константина Паустовского, Константина Симонова, Владимира Солоухина, Виктора Некрасова, Андрея Вознесенского.

После войны Гали (как называли ее французские друзья) со всей страстью включилась в литературную жизнь Парижа, став покровительницей

⁷ Там же.

⁸ Там же.

французской писательской молодежи. Жаклин Пиатье в некрологе Гали Барбизан вспоминает, что в 1958 г., когда Пьер Жираду высказал идею основать премию Медичи, она поддержала его, стала основательницей и меценатом этой ежегодной премии для начинающих французских писателей⁹. В качестве постоянного члена жюри ей приходилось прочитывать очень много новых литературных произведений, представлявшихся на конкурс. У нее был блестящий дар находить в этом потоке настоящую книгу. На улице Корто у Гали в уютной квартире с крошечным садиком во дворе собирались члены жюри конкурса, французские писатели и критики. Вся французская литературная элита бывала в гостеприимном доме четы Барбизан. Жаклин Пиатье называет имена: Дениз Бурде, которая была душой этого кружка; Фелисьен Марсо, Натали Саррот, Маргерит Дюра, Мишель Бютор и Клод Руо, которые впоследствии вышли из жюри; постоянные участники работы жюри Ален Роб-Грийе, Франсин Малле и присоединившиеся позже Ролан Барт, Клод Симон, Жан Кайроль, Марсель Шнейдер, Клод Мориак, Кристин Де Ривуар, Доминик Фернандес, Режи Бастид. Доминик Фернандес вспоминает об этом доме, всегда открытом для французских и итальянских друзей, как о целом мире, поэтичном, умном, содержательном. Он отмечает, что у Гали, в отличие от многих француженок, литературный салон не превратился постепенно в некий оранжерейный сад, что на улице Корто никогда не было разговоров ради разговоров, но встречи были живые, искренние и интересные¹⁰. Гали умела смело отстаивать свои убеждения, хотя никогда не навязывала своего выбора. Жаклин Пиатье описывает только один случай, когда Гали настояла, в дань уважения к своему мужу, наградить итальянского писателя Луиджи Малерба¹¹ (в 1970 г. в премии Медичи появилась номинация «иностранный роман»). Самым важным событием года было для нее вручение премии Медичи. Она в течение 24 лет неизменно сама проводила эту церемонию в Париже в первых числах декабря.

Еще в 1950-х гг. Лючано Барбизан купил на северо-востоке Италии, в Доломитовых Альпах, в курортном местечке Кортин д'Ампеццо небольшую уютную виллу. Она стала любимым местом отдыха четы Барбизан, где они с удовольствием принимали французских, итальянских, русских гостей, порой живших там подолгу. Галина Николаевна в письмах называла ее «изба», вероятно потому, что вокруг росли ели, а зимой всю окрестность заваливало снегом, что напоминало ей Россию. С конца 1960-х гг. она все больше времени проводит «в Кортине», откуда они

⁹ Piatier G. La mort de Gala Barbisan // Le Monde. 16.11.1982.

¹⁰ Fernandez D. Adieu a Gala. L'Actualite. 16.11.1982.

¹¹ Piatier G. La mort de Gala Barbisan.

с мужем совершают поездки в его родную Венецию. Здесь, в Кортина д'Ампеццо, она и закончила свои дни 31 октября 1982 г. Лючано похоронил ее в Венеции.

Необходимо отметить и еще один из талантов Галины. Примерно с середины 1960-х гг. она начала рисовать. 3 марта 1966 г. в письме дочери она замечает, что много рисует, переводит, читает, а 10 января 1973 г. сообщает, что рисует по пять-шесть часов день и что 25 февраля в Париже будет выставка ее работ. Судя по сохранившимся у внучки фотографиям и воспроизведениям нескольких ее работ в каталоге итальянской выставки¹², ее черно-белые рисунки пером похожи на вышивку, ковер из линий и пятен, сплетающихся в причудливые арабески. Они производят впечатление некой органической материи, рождающейся и структурирующейся на наших глазах, видоизменяющейся то ли в природные, то ли в космические формы, иногда напоминающие абстракции Василия Кандинского. Филигранная техника, строгая логика компоновки и саморазвития форм снимают первое впечатление дамской капризной произвольности рисунков. Как считала Жаклин Пиастье, она уголяла таким образом свою тоску, тревогу, которые преследовали ее, особенно в последние годы жизни¹³.

«Когда ее спрашивали о ее рисунках, — пишет А. Н. Сахаров, — она говорила, шутя, что ее рукой водит дух женщины, погибшей в Хиросиме»¹⁴. Рисунки постепенно заполняли стены парижской квартиры и виллы. Зимой 1964—1965 гг. в Кортина д'Ампеццо Галина Николаевна впервые показала их на выставке, устроенной совместно с итальянской художницей Малей Карневали. Затем состоялись ее персональные выставки в Париже в галерее Пьера Домека в ноябре 1967 г. и в феврале — марте 1973 г. Родным в Ярославль Галина Николаевна сообщает в письме о большом успехе в прессе, но с огорчением подчеркивает, что не продано ни одной картины. Чувствуется затаенная горечь от того, что ее творения никому не нужны, сожаление гордого человека о том, что она вынуждена всю жизнь жить на средства мужа. К сожалению, дальнейшая судьба ее рисунков нам неизвестна.

Когда в 1957 г. Галина Николаевна, после более чем двадцатилетней разлуки, смогла навестить свою маму и дочь в Ярославле, она с огромным интересом вновь знакомилась с родным городом. Она интересовалась древнерусским искусством, посетила художественный музей, реставрационные мастерские, театр им. Ф. Г. Волкова. В архиве ЯХМ сохранилось

¹² Circolo artistico di Cortina d'Ampezzo Gala Barbisan Mala Carntvali presentazione di neri pozza 27 desembre 1964 — 4 dennaio 1965. Tipografia Officine Grafich STA — Vicenza.

¹³ Piatier G. La mort de Gala Barbisan..

¹⁴ Сахаров А. Н. Краткая биография...

ее письмо директору музея В. П. Митрофанову от 25 июля 1957 г., где она пишет: «Обращаюсь к Вам по следующему вопросу. Я хочу передать в собрание Вашего музея принадлежащие мне несколько картин художников К. А. Коровина и Малявина. В настоящее время я проживаю в Париже <...> я имела возможность встречаться с этими художниками и приобрела лично от них их картины. Своим скромным даром я хочу выразить чувство любви к своему родному городу; тем самым картины известных русских художников займут надлежащее место в культурном наследии русского народа. Прошу сообщить о Вашем согласии... С уважением Гали Барбизан-Соловьева (Г. Барбизан)»¹⁵. Владимир Петрович Митрофанов отвечает ей 10 ноября того же года: «...мы с искренней благодарностью принимаем от Вас в дар картины художников Коровина и Малявина, в память о Вашем отце. Нашу просьбу и копию Вашего письма мы направили в Управление Внешних Сношений Министерства Культуры СССР для оформления передачи...»¹⁶. В архиве музея отсутствует ответ министерского начальства, но он был положительным, коль скоро в первых числах марта 1959 г. Галина Николаевна привезла в Ярославль картины и передала их музею с дарственной, где написала: «Я, Гали Николаевна Соловьева-Барбизан, проживающая в Париже, передаю в постоянное пользование принадлежащие мне 12 картин русских художников Коровина и Малявина, созданные этими художниками в период их пребывания за границей. Я их передаю в Ярославский художественный музей в память моего отца Николая Васильевича Соловьева, именем которого названа одна из больниц нашего города...»¹⁷.

В июле 1959 г. переданные в музей 12 картин были отправлены в Москву в Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские (ГЦХРМ) на реставрацию¹⁸. В ходе реставрации для них были сделаны новые подрамники, проведено частичное дублирование холстов. Когда полотна вернулись в Ярославль в марте 1962 г.¹⁹, часть картин К. Коровина сразу была включены в экспозицию русского искусства. В вышедшем в 1964 г. каталоге коллекции музея состоялась первая научная публикация всех 12 картин²⁰. С 1970 г. в экспозиции Ярославского

¹⁵ Архив ЯХМ. Документы учета и хранения за 1957–1959 гг.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Архив ЯХМ. Акт передачи в ГЦХРМ от 6 июля 1959 г.

¹⁹ Архив ЯХМ. Акт возврата из ГЦХРМ от 19 марта 1962 г.

²⁰ Каталог Государственного Ярославо-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Художественные отделы / Сост. Е. П. Юдина, В. П. Митрофанов. М., 1964. С. 79–80, 96–97; Ярославский художественный музей: Альбом / Авторы-сост. И. П. Болотцева, И. Н. Федорова, Л. Я. Битколова. М., 1983. Здесь под

художественного музея постоянно выставлено большинство картин, подаренных Галиной Николаевной Соловьевой-Барбизан. Они экспонировались на выставках лучших полотен из собрания музея, прошедших за последние годы в стране и за рубежом.

Очень бы хотелось надеяться, что отыщутся и ее рисунки. Ярославский художественный музей мечтает устроить выставку произведений нашей соотечественницы в знак благодарности за бесценный дар, в память о ее незаурядной жизни, так счастливо перекрестившейся с жизнью многих замечательных людей Франции и с жизнью блестящего русского человека и художника — Константина Коровина.

№ 97, 99 опубликованы научные описания двух картин Коровина из дара Г. Н. Соловьевой-Барбизан: «Монмартр вечером» и «Розы».

Г. Н. Соловьева-Барбизан в домашней гостиной. Париж, Монмартр, ул. Корто.
Архив Ярославского худож. музея

К. А. Коровин. Париж. Сен-Дени. 1920–1930-е. Ярославский худож. музей

К. А. Корвин. Рыбы на зеленом столе. 1920–1930-е. Ярославский худож. музей

Ф. А. Малявин. Девушка со спицами. 1920–1930-е. Ярославский худож. музей